

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЛЕСЯ ОРБАК

ПОД КРАСНЫМ СОЛНЦЕМ
НЕ ПЕРЕСЕКАЙ ГРАНИЦ



Леся Орбак

**Под красным солнцем
не пересекай границ**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Орбак Л.

Под красным солнцем не пересекай границ / Л. Орбак —
«ЛитРес: Самиздат», 2012

Если с детства не признаешь ограды, разве найдутся границы, которые тебя, повзрослевшего, остановят? История дружбы двух мальчишек, которые очень многое разделили на двоих. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Леся Орбак

Под красным солнцем не пересекай границ

1

Во дворе – дохлая ворона. Раньше ее не было, а теперь валяется возле прогнившей песочницы кверху лапами, загребает ржавую пыль растопыренными крыльями. Ворону мотает с боку на бок, потому что сверху сидит подружка и тычется клювом в развороченное брюхо.

"Наверное – жалеет", – думает Нано. Ему хочется похоронить несчастную, как полагаются, он и на забор-то забрался, чтобы приглядеть место за городской оградой. Но мальчишка терпеливо ждет, пока подружка попросится с мертвой и улетит. Мама говорила, что родных и друзей можно оплакивать, лишь бы солдаты не видели. Иначе сочтут слабым. А слабых забирают от родителей и учат быть сильными, потому что Городу нужны только сильные.

Если честно, Нано устал ждать, пока ворона наплачется. Он заметил мертвую гораздо раньше, вторая прилетела, когда он забирался на бетонный забор. А теперь и спрыгнуть на землю нельзя – птица испугается и улетит.

Сидеть на заборе скучно. Нано уже пятки о бетон отбил, болтая ногами, даром что в ботинках. И красное солнце печет сильно – защитная маска накалилась, липнет к голове. Маску Нано ненавидит, кажется, что воздух без нее вкуснее, через стекла видно хуже и чтобы услышать друг друга приходится говорить громко.

– Как ты туда залез? – кричат снизу, и Нано вздрагивает от неожиданности. Он никогда не видел в этом дворе других мальчишек.

В заброшенных пограничных кварталах всем гулять запрещают. Сюда не ходят даже взрослые; мама говорила Нано, что в развалинах домов прячутся привидения и выгнанные из Города отщепенцы, которые убивают и едят маленьких детей. Однажды Нано услышал, как папин друг рассказывал родителям про Фон, который идет из Института, родители очень испугались этого Фона и снова долго-долго ругали Нано за то, что однажды он принес домой красивые камушки, собранные в пограничных кварталах, хотя он уже отстоял за это в углу целый вечер. После Нано специально научился забираться на высокую бетонную городскую ограду, чтобы посмотреть, чего так боятся родители, но Институт был настолько далеко, что даже стен не разглядеть, а по рыжему каменистому полю между ним и Городом никакой Фон не ходил.

– Здесь нельзя гулять! – сердится Нано. – Иди отсюда.

Но мальчишка и не думает уходить, вместо этого он хватает с земли осколок кирпича.

– Не надо! – кричит Нано.

Он забывает, что нужно сначала повиснуть на руках, и только потом – спрыгивать. Соскальзывает с шершавого бетона, хотел – на спину наглому пацану, но промазал. И не успел. Камень описывает в воздухе дугу и падает почти в центр песочницы, но ворона все равно встрепелась. Открыла рот, будто дыхла в сторону обидчика, и раскинула крылья, взмывая в серое небо.

Падать с высоты забора на коленки – очень больно. Слезы брызжут из глаз против воли, хорошо, что за маской их не видно.

– Ты зачем это сделал? – Нано пытается найти вокруг еще один камень, чтобы отплатить жестокому мальчишке тем же, но кругом только земляные комья, которые рассыпаются в ладонях, да иглы мелкой сухой травы. Зато есть кулаки.

Нано замахивается и бьет так, чтобы попасть в голову, но мальчишка нагибается, и кулак Нано прошивает воздух. Уцепиться бы за маску обидчика, Нано тянет руки, в ответ мальчишка

хватает его за рукава и тянет вниз, бьет по коленкам, заваливая на бок. Они катаются в рыжей пыли, и каждый норовит ухватиться за одежду покрепче.

– Зачем ты прогнал ее?! – кричит Нано, стараясь высвободить ногу и пнуть соперника.

– Она ее ела! – отвечает мальчишка. – Она же ее ела!

– Не ври!

– Я не вру! Это вороны, они едят мертвых.

– Едят? Мертвых? – замахнувшись, Нано замирает. Мальчишка, прижатый к земле, крепко держит его за молнию комбинезона – явно собирался дернуть и сбросить с себя. Но не торопится. И Нано не бьет. – Откуда ты знаешь?

– В книжке прочитал, – важничает мальчишка.

Нано быстро оглядывает маску пацана, но на ней нет отметки, что тот ходит в школу – только имя: Пин/xxxx.xxxx.2489. Салага. Да еще и с чужого района. На квартале Нано 2489-я семейная ячейка не живет.

– Ты врешь, – на всякий случай Нано сильнее прижимает мальчишку к земле, чтобы не вырвался. – Ты даже в школу не ходишь.

– Меня мама научила. У нас дома книжек много.

У Нано дома книжек совсем нет, только старые журналы отца с черно-белыми неинтересными рисунками.

– Если не веришь, могу показать.

– Не нужны мне твои книжки, – сердито бурчит Нано. Несильно бьет мальчишку по рукам, чтобы отцепился, и отпускает сам. Поднимается, вдруг почувствовав, как болят ноги и бока. Опять влетит за синяки вечером.

Нано не особо рвется дружить с умником, но все же бросает через плечо громко, так чтобы он слышал: "Надо птицу похоронить".

На самом деле перелезть через бетонную ограду Города легко, если знать, где. Недалеко от песочницы, возле переломленных пополам качелей, и без того шершавый забор пошел настолько глубокими трещинами, что можно ухватиться и упереться ногой. Пока Нано карабкается наверх, умник терпеливо ждет внизу, прижимая к груди мертвую птицу.

– Давай, – оседлав ограду, Нано тянет руки принять тушку. Мясистые птичьи ошметки висят на измазанных перьях, пачкают перчатки мокрыми следами. Нано приходится уложить ворону поперек забора, чтобы она не свалилась на землю. – Я спущусь на ту сторону, потом ты залезешь и подашь мне ее сверху.

– Нельзя ходить за ограду, – напоминает мальчишка, но его сопротивление звучит жалко и неправдоподобно. Видимо, салаге и самому не терпится выбраться за границы Города. – А как мы назад залезем?

– Там, – развернувшись, Нано тычет пальцем в раскидистый, сгорбленный тополь. – По тому дереву.

Мальчишка долго глядит на кривые чешуйчатые ветки с жухлыми листьями, но больше не задает вопросов. Они вообще не говорят друг другу ни слова, оказавшись за чертой Города. В полнейшей тишине раскапывают сначала носками ботинок, потом – помогая руками, неглубокую ямку; засыпают рыхлой землей одеревеневшую тушку и, немного постояв над холмиком, не стовариваясь, идут к тополю.

По деревьям умник лазить не умеет. Нано приходится подсаживать мальчишку, подавать ему руку.

Возможно, Нано остался бы в пограничных кварталах до самого вечера: искал бы в развалинах домов сокровища, покатался на виражах погнутой горки, порисовал бы древесными головешками на городской ограде. Но он любит делать это в одиночестве.

– Я пошел домой, – заявляет Нано и, деловито отряхнув испачканные лазанием коленки, топает прочь из пограничных кварталов.

На городских улицах сквозь маску пробивается грохот и гудеж машин. Нано вслух считает попавшиеся по дороге синие автомобили. Салага-то, поди, и цифр не знает, молча плетется следом, почти наступая на пятки.

На одном из перекрестков мальчишка дергает Нано за рукав и зачем-то представляется.

– Меня зовут Пин.

– Вообще-то я умею читать, – недовольно бубнит в ответ Нано. – Я уже в первый класс хожу.

Ему совсем не нравится прицепившийся салага, и мелкие камни так и лезут под ноги, так и просят пнуть их далеко и высоко, пусть взрослые вопят, что он поднимает с земли слишком много пыли – все равно. Может, выйдут родители этого пацана и заберут его домой. Нано совсем не хочет дружить с таким занудным умником.

Но, спустя два квартала он все-таки произносит:

– А я – Нано.

В магазине эта лампа казалась такой красивой: круглая, как мячик, со смешными осьминожками. Пин выпросил ее у мамы, и сам выбрал узкую лампочку синего цвета. Чтобы осветить «комнату Пина» – маленький угол, огороженный высокими, до потолка ширмами – много света не нужно.

Теперь, подвешенная под потолком, лампа выглядит иначе. Круглые бока похожи на большой водяной пузырь, который вот-вот лопнет прямо над кроватью, а тени осьминогов расползаются по стенам и ширмам жуткими чудовищами. Мама считает, что Пин забирается под одеяло с головой, потому что боится ночной темноты, но Пин прячется от чудовищ, которые остаются сидеть на стенах, даже если выключить свет. Они просто становятся незаметными.

И вообще-то, под одеялом – еще темнее.

– Где новый синяк заработал? – спрашивает мама, помогая Пину натянуть пижамные штаны. После стирки штаны жесткие, кажется, что можно порезаться об их края и совать в них ноги совсем не хочется. А еще они пахнут чем-то резким, неприятным. Пин поджимает под себя ноги, но маме удается натянуть на него сначала одну дубовую штанину, потом – другую. – Так откуда синяк, сын?

– Подрался.

– Разве вас воспитательница не учит, что драться – плохо?

Пин молча забирается под одеяло, не желая оправдываться. У нее самой две новые царапины на руках, но она никогда не рассказывает Пину, откуда. Так не честно.

– Ты должен помолиться, – говорит мама, подает Пину деревянные бусы с крестиком и читает наизусть молитву, заставляя сына повторять. – Спасибо, Господи, что я здоров. За этот день и за эту ночь спасибо тебе. И прости меня, Господи. За грехи отцов, за невежество братьев и за тщеславие выбранных нами вождей, прости всех нас, Господи, ибо не ведали, что творили. Ибо не слушали гласа твоего, пока не узнали гнев твой. А узнав, пали ниц и принимаем кару, тобой назначенную. Спасибо, Господи, что я здоров. Аминь.

В конце положено перекреститься, Пин всегда забывает к какому плечу сначала прикладывать ладонь, поэтому просто елозит руками под одеялом, чтобы мама подумала, будто он все сделал правильно. После она целует его в кончик носа сухими губами и, вернув бусы с крестиком в прикроватную тумбочку, оставляет наедине с притихшими на стенах чудовищами.

Сегодня Пин отчего-то боится сильнее обычного.

– Мам, а что будет, если выйти за границы Города?

Сквозь щель приоткрытой ширмы пробивается свет, мама замирает, держась за ручку, и Пин радуется, что хотя бы на чуть-чуть она передумала уходить. Если повезет, мама останется, снова присядет на край кровати и будет рассказывать что-нибудь, пока Пин не уснет.

– За границы Города? – переспрашивает она так строго, что Пин понимает – не повезло. – Если выйдешь за границы – сразу заболеешь и умрешь!

Мама уходит, задвинув ширму плотнее обычного, а Пин ныряет с головой под теплое одеяло и путано, пропуская слова, повторяет молитву. Ведь если мама так сильно на него рассердилась, Господь – и подавно.

2

На заднем дворе школы снова черные жирные полосы – следы от древесного угля. Завиваются абстрактными узорами по всему периметру вокруг газона с фигурной каменной кладкой. Художник злобно хохочет и тычет грязными пальцами в окуляры маски Нано:

– Ты нихуя не понимаешь в современном искусстве, придурок.

Нано не понимает. И, к сожалению, не знает урода, придумавшего этот «новый вид искусства»: надевать на третью ногу собаки металлическую трубку со вставленной с другого конца деревянной чуркой, а затем поджигать деревяшку, заставляя псину носиться от огня, вырисовывая на асфальте угольные узоры.

Нано рвется из пальцев, вцепившихся в его руки, чужой локоть сдавливает шею. Рядом дружки Художника пытаются скрутить юркого Пина.

– Далась тебе эта Швабра, – издевается Художник, бьет кулаком в живот – не сильно, просто чтоб прочувствовал.

– Далась, – глухо отхаркивает Нано.

Швабра – дворовая псина, прибившаяся к школе еще до поступления Нано – далеко не ушла. Забилась под скамейку на физкульт-площадке, и пытается содрать с третьей ноги железный набалдажник. Она бьется и, наверняка, скулит.

На соседней лавочке девчонки играют в куклы.

Нано читал, что раньше – до Ядерной Войны – собаки бегали быстрее, на четырех ногах.

Нано читал, что собачья третья нога была хвостом и «торчала вверх пистолетом».

– У тебя большие проблемы с обществом, ты знаешь? – Художнику надоело разминать кулаки, в ход пошли обутые в тяжелые ботинки ноги. – Ты кидаешься на людей... ты бьешь людей в отместку за какое-то... хвостоное... животное.

– Это ты – животное, – хрипит сдавленным горлом Нано. – А она – живность.

Ему кажется, что еще один удар, и грудная клетка прогнется внутрь.

За эту хвостоногую Нано дерется все четыре года, сколько учится в школе.

На этот раз вышло совсем хреново. Пятеро против двоих – дурацкий расклад, особенно если учесть, что с их стороны – два старшеклассника, включая Художника, а со стороны Нано только Пин, который хоть и неплохо дерется, но все равно – салага.

– Сейчас чуть-чуть полежу и пойдем. – Нано не уверен, что сможет запросто встать. Руки-ноги не слушаются, будто не его вовсе, а оторваны у тряпичной куклы и пришиты к ноющему телу. Сложно дышать. Единственное, на что Нано еще способен – валяться в каменистой земле пришкольного газона и с закрытыми глазами отсчитывать секунды по ударам крови в голове.

Пин валяется рядом. Судя по возне, тут же мельтешит Швабра. Видать, освободилась.

– Слыш, Нано? Ты прикинь, нас так грамотно в узор из камней утрамбовали.

– Заткнись, – нашарив, не глядя, камушек Нано швыряет его в сторону Пина. – Знаешь что, Швабра? По законам древнего рыцарства ты теперь обязана всю жизнь мне прислуживать.

– Нифига! По законам древнего рыцарства она обязана выйти за тебя замуж.

– Урою, – грозит Нано, смеется, спустив на тормозах послестрессовую веселость. – Сейчас вот встану и урою нафиг.

– Ты сначала встань!

Встать Нано не может, и они еще несколько минут валяются посреди каменного орнамента, корчась и всхлипывая смехом и боли.

После, когда им удастся поднять друг друга на ноги, Пин закидывает на плечи школьный рюкзак и предлагает:

– Пойдем ко мне? Предки на работе, можно спокойно почиститься.

Нано не дурак отказываться. Ему еще один повод для родительского бойкота не нужен.

Пин живет очень далеко от школы, в рабочем квартале возле Завода. Типовые двухэтажные дома строились специально для рабочих по принципу «минимум комфорта – максимум химзащиты», дезинфекторы узких подъездов, по шуткам жильцов, способны вытравить не только следы грязи или радиации, но и самих носителей из комбинезонов, если задать максимальные параметры.

Двенадцать секунд в тамбуре дезинфектора – и дворовой драки как не бывало. Только ушибленные места ноют, да кровь по-прежнему носится по венам, как угорелая.

Вырваться из тисков комбинезона – блаженство. В квартире Пина всегда пахнет жареной картошкой и аэрозодем «Сосновый лес». Нано шлепает голыми ступнями по теплому пластику пола, вскрикивает, наступив на что-то маленькое и острое.

– Что у тебя тут валяется? – возмущается он, подцепив пальцами впившуюся в пятку металлическую шайбу с двумя торчащими теперь уже в разные стороны зубцами.

– Не знаю. А ты знаешь, что это? – Пин смотрит через плечо Нано, навалившись ему на спину и по неосторожности упираясь локтем ему между ребер – как раз на место одного из синяков. Скривившись, Нано выворачивается, отдает шайбу Пину, чешет ушибленный бок.

– Фиг знает. Может, с вентиляции открутилась.

– Надо предкам показать, чтоб ремонтников вызвали, – Пин хмурится, озабочено глядя на решетку вентиляции под потолком. – А то затаскают по больницам, как семнадцать-сорок пятых, помнишь, Сид с Маром в школе две недели не появлялись?

– Когда?

– В прошлом году. Это у них дома что-то с изоляцией случилось, заметили поздно. Так их из квартиры выгнали и в больницу заперли, проверяли на все, что можно. Сид вообще говорил, что на них там опыты ставили.

– На тебе они опыты ставить не будут, – серьезно заявляет Нано. – Я помогу тебе сбежать.

– Ладно, – соглашается Пин и уносит странную шайбу в кухню, оставляет на обеденном столе – на самом видном месте. Пусть родители разбираются.

У Пина нет собственной комнаты – на первого ребенка семейной ячейке площади не полагаются. Зато есть большой шкаф, заваленный печатными книгами, и окна выходят на один из заводских цехов.

Забравшись с ногами на непривычно широкий подоконник, Нано разглядывает куцый дворик между домом и бетонным полотном заводского забора.

– Обалдеть, у вас здесь земля почти синяя.

Пин садится рядом, поджав сизые от синяков колени. Без маски и защитного комбинезона он выглядит еще младше и постоянно дергает веснушчатым носом, будто принюхивается. Первое время Нано не переставая пялился на него из-за этого тика, теперь привык.

– Папа говорил, как это называется, но я забыл, – Пин пожимает плечами. – Какая-то фигня с Завода. Вроде плесени, только неорганическая. Когда она начала появляться, тревогу подняли, даже собирались Завод закрывать. Потом подумали – дома защищены даже от радиации, без масок на улицу никто не выходит, нафига грузиться из-за какой-то плесени?

Бетонный откос оконной ниши приятно холодит спину и хочется сидеть так целую вечность. Нано нравится смотреть на синюю неорганическую плесень, которая вот-вот выживет со двора привычную рыжую пыль Города. Ему видится в этом настоящий микроскопический бунт. Маленькая земляная революция.

– Я слышал, что никакой радиации уже нету, – говорит Нано.

– Тогда зачем мы ходим в масках?

– Не знаю, – Нано давит пальцем на стекло, оно прогибается наружу прозрачной тугой резиной и тут же возвращается на место. – Может, чтобы все были одинаковые. А зачем ты разговариваешь со своим Богом?

Пин снова дергает носом.

– Он спасет мою душу.

– Тебе так сказали, и ты поверил, – дотянувшись, Нано тычет Пина носком в ребра. – Разуи глаза!

– Люди прокляты, – говорит Пин.

И Нано закрывает ладонями уши.

Городской госпиталь – жуткое место.

Пин никогда не видел столько человеческих лиц сразу. Синюшные мешки под глазами, тонкая, едва не прозрачная кожа (чаще – сморщенная, как бумажный мешок), трясущиеся руки. И все так тарашатся, будто собираются выскрести из твоей головы самые сокровенные тайны. У Пина настоящих тайн нет. Почти.

От рыдающей мамы пахнет спиртом и какой-то травой. Это лекарство. Сначала она кричала и била ладонями по стеклянной двери папиной палаты, теперь сидит на кушетке тихо, только иногда всхлипывает (совсем как Швабра после «рисования») и грызет кулак. Из приоткрытого рта по ее подбородку тонкой полоской течет слюна.

– Не раскисай, парень, – один из приставленных к папиной палате солдат положил огромную ладонь на голову Пина и треплет волосы. – Твоей матери нужна поддержка, поэтому тебе раскисать никак нельзя. Понял?

Он садится на корточки перед мальчишкой и заглядывает прямо в глаза.

– Твой отец – герой. Благодаря ему, мы найдем и посадим за решетку еще нескольких подонков из Братства.

Пину все равно. Сейчас его папа совсем не похож на героя: в этой чистой больничной рубашке, с прозрачными трубками во все стороны, с выбритым затылком, в том месте, где ему раскроили голову.

Доктора говорят, что папа выживет. Пин не понимает – зачем?

Маме принесли какие-то бумаги на больничном планшете. Пока она ставит подписи толстой, привязанной к планшету ручкой, старая медсестра говорит на непонятном медицинском языке.

– Сделайте все возможное, – просит мама.

Медсестра кивает:

– Конечно.

Когда старуха уходит, мама просит Пина подвинуться ближе и обнимает, прижимает лицом к вырезу своей кофты так, что шерстяные ворсинки щекотят ему нос и совсем нечем дышать. Мама плачет тихо и очень горько, Пин и сам бы заплакал, но он держится.

Он должен быть сильным. Он должен поддержать маму.

От ее слез волосы на макушке становятся мокрыми, она шепчет: «Все будет хорошо, папа обязательно к нам вернется». Дышать все тяжелее, и Пин отстраняется. Вывернув голову, смотрит в щель от приоткрытой двери, как старая медсестра протыкает папину руку еще одной иглой с длинной трубкой, по которой течет лекарство. Пину совсем не хочется, чтобы папа возвращался.

– Мам, если Ад на Земле, а после смерти мы попадаем в Рай, почему ты не хочешь отпустить туда папу?

Из другого конца коридора с грохотом везут металлическую тележку, и Пину не слышать, что отвечает мама. Тем более, когда она закрывает ладонью рот и вся трясется от всхлипов.

3

Радиочастоты передают: «Братство будет уничтожено. Мирному поствоенному обществу не нужны социопаты и террористы. Вооруженные Силы Города обещают устранить внутреннюю угрозу в самые короткие сроки».

Из заводских труб летит пепел. Огромный, размером с тетрадный лист. Он наверно завалил бы заводскую территорию серебристо-черными сугробами, но ветер его разносит по всему городу. Невесомые струпья носятся над улицами, оседают чешуей на мостовые. Счетчик Гейгера на городской башне торжественно клянется, что радиация в пределах поствоенной нормы.

Прыжок одной ногой на скамейку, другой – на ее спинку, и рука Нано сбивает пролетающий мимо лоскут. Крошки сыплются Пину на голову, парень пытается стряхнуть пепел, но тот остается на перчатках и маске черными полосами.

– Жирное что-то, – Нано кривит нос, растирая пепел в пальцах. Подносит ближе к лицу, но разглядеть как следует все равно не выходит – в ветреную погоду окуляры маски мутнеют уже к полудню, если как любой нормальный старшеклассник с самого утра торчать на улице, забив на школу. – Вообще ни на что не похоже. Ни на бумагу, ни на дерево. Что еще горит до пепла?

– Не знаю, – Пин пожимает плечами. Еще один ошметок пикирует прямо в подставленную ладонь, Пин аккуратно касается уголка, и пепел липнет к перчаткам, рвется, как крыло кузнечика – вдоль перепонки. – Может, что-то органическое?

– Надо будет сходить хоть раз на химию, – Нано задирает голову, вглядываясь в свинцовое небо, где плывут пепельные ошметки, разрезая пурпурное зарево солнца. Отсюда самих заводских труб не видно, но Нано уверен, что они до сих пор кашляют в атмосферу прогоревшим... чем-то.

От новой отравы вымерли пауки. Почему именно они – остается загадкой. Крысы, птицы, мухи после пепельной атаки выжили, а пауки осыпались по углам квартир крохотными хитиновыми шариками. Кое-где трупы находят горками, будто умирающие намеренно сбивались в стаи, сползались в условное место ритуально сложить лапы. Будто показывали, как их на самом деле было много. И в каких неожиданных местах.

Рядом с мусоропроводами в домах появились контейнеры, подписанные «Специализированная утилизация специфических объектов органического происхождения». Кое-где на них рядом с трафаретной подписью маркерами приписано «для пауков».

Второй раз на утиль-базу за границу Города лезть не понадобится. С количеством Нано не прогадал – мешка «жирного» пепла как раз хватает на сочную, размашистую надпись «Суки, вам это зачтется» в полную ширину блока заводского забора – метра два, не меньше. Нано загребает пригоршней из мешка остатки и выводит рядом с надписью эмблему Братства.

– Они вообще-то моего отца убили, – напоминает Пин. В творческом процессе он не участвует, стоит на страже, пока Нано вазюкает испачканной ладонью по бетону, оставляя черные полосы.

– А у меня брат полумертвым родился из-за всей этой химической дряни с Завода, – отвечает Нано. – Я же твоим родителям не предъявляю, что он прожил всего месяц. Братство, вообще-то, за свободу борется. Мне жаль, что твой отец попался под руку. Ну не свезло ему. Что поделать? Зато мама твоя ушла с Завода вовремя. Мы ему войну объявили.

– Из-за чего? Из-за подохших пауков?

– Из-за того, что их убило. Пин, ты представь, они создали какую-то дрянь, которая не просто перетравила пауков, хер с ними. Она просочилась через защиту домов, – Нано чешет голову тыльной стороной ладони (проклятое солнце совсем сдурело так жарить, аж волосы от пота слипаются), и на маске остаются серебристо-черные разводы. – Мы знаем, что на заводе изобретают новое био-оружие. Радиацией-то уже не запугаешь. Если хочешь, расскажу. У нас там свои люди работают.

Пин смахивает с окуляра маски жухлый лист, прибитый поднявшимся ветром, но прозреть по-настоящему не рвется.

– Когда-нибудь, Нано, ты перейдешь все границы.

Пока никто по ту сторону забора не засек их присутствия, Нано молча выводит последние линии эмблемы, гордый, что не так давно получил полное право ее выводить.

– Люди прокляты. Люди отвечают за грехи отцов.

– Громче.

– Люди прокляты! Люди отвечают за грехи отцов!

– Громче, сын мой!

– ЛЮДИ ПРОКЛЯТЫ, ЛЮДИ ОТВЕЧАЮТ ЗА ГРЕХИ ОТЦОВ!..

Пин поднимается с колен, ощущая на плечах невероятную тяжесть. Во рту сухо, и язык липнет к небу. Ноет поясница. Зудят вмятины, продавленные на голених грубо сбитой скамьей. Кажется, респираторы маски вообще не пропускают воздух.

Через стену слышны пения староверов в соседнем храме. Там безопасно, как в домах, можно снимать комбинезоны и приносить на службу детей.

Они все еще едят плоть Христову, пьют его кровь и просят спасти их каннибальские души.

«Каждому по кресту, – шепчет Пин, пряча в карман деревянные четки. – Каждому по кресту. Пусть никто не уйдет обиженный».

4

У приграничных кварталов запах ностальгии и дополнительного ручного дезинфектора «для детей дошкольного возраста» – зверского материнского оружия, которым заканчивалась любая прогулка. Чтобы почувствовать этот запах, Пину не обязательно снимать маску, достаточно шаркнуть подошвой студенческих ботинок по кирпичной крошке у развалин домов или услышать карканье вороны. Почему-то вороны живут только на окраине. И кружат над безлюдными улицами целыми стаями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.